

— А водка нынѣ тепловата, — говорить Дыхляевъ, прожевая огурецъ.

Корневъ выпивалъ рюмку.

— Д-да... Но огурцы — прелесть! гораздо лучше вчерашнихъ.

— А вотъ лѣтомъ у насъ другая закуска будетъ, молодая рѣдька, знаешь, съ сметаной, свѣжіе огурцы... Чудо, что такое! — сулил Дыхляевъ.

Иногда, и даже часто, Корневъ давалъ себѣ обѣщаніе не пить, исправиться, «страхнуть съ себя грязь», просиживалъ вечера два дома, но въ концѣ концовъ, досадуя и негодуя на себя, шелъ къ Дыхляеву. У себя онъ не пилъ.

— У меня пить нельзя, — говорилъ онъ чуть не каждый вечеръ Дыхляеву: — старуха ворчитъ, а Сашенька чуть не плачетъ...

— А ты съ Сашенькой-то не того... не близко? — спросилъ однажды Дыхляевъ.

— Что?! заикнись-ка еще разъ объ этомъ! — вскинулся на него Корневъ. — Она, братъ, славная дѣвушка, хоть и неразвита.

— Да я про что же говорилъ? — оправдывался Дыхляевъ. — Конечно, славная. Я и хотѣлъ спросить — не хочешь ли ты на ней жениться...

— Я?! Жениться! Ха, ха, ха! — засмѣялся Корневъ. — Ну, насмѣшил! Нѣтъ, братъ! я до августа здѣсь кой-какъ промаячу, а потомъ въ университетъ!

Дыхляевъ отвернулся въ сторону и закрылъ ротъ рукой.

— Ты что?! Смѣешься?

— Нѣтъ, нѣтъ! Ну, право же, нѣтъ! Конечно, въ августѣ ты поступишь въ университетъ... На который курсъ?

— На третій или на четвертый.

— Лучше ужъ на четвертый... Выпьемъ за твое поступленіе!

— Выпьемъ!

Олинъ зашелъ какъ-то на «огонекъ» и напился. На другой день онъ снова заявился. Стали пить втроемъ.

— У васъ славно, — говорилъ онъ: — пей безъ всякихъ церемоній, да и кончено!

Къ «священной лигѣ», какъ окрестилъ Дыхляевъ пьянствующую компанію, начали приставать всѣ, кому хотѣлось выпить, а въ гости идти было некуда. Письмоводитель непремѣннаго члена чокался съ мировымъ судьей, прогорѣвшій помѣщикъ Шмитъ съ домашнимъ учителемъ предводителя дворянства. Часто пили до утра и оставались ночевать у Дыхляева. Домашній учитель предводителя, изъ семинаристовъ, спился съ-кругу и сталъ являться къ своимъ питомцамъ черезъ день, а иногда и черезъ два. Прек-